

Е. А. Боратынскому – 220 лет со дня рождения

*Ольга
Иванова*

54

Гамлет русской поэзии

ССТИХОТВОРЕНИЕ Евгения Боратынского, открывающее этот выпуск альманаха, пронзает своей скромностью, пронзительностью, глубокой философией и обезоруживающей близостью к нам, несмотря на вековую его от нас даль. В нём весь Боратынский – полный сомнений, недооценённый, но великий поэт, талант которого многие современники небезосновательно ставили рядом с талантом Пушкина. Другие же нещадно критиковали его, и в лучшем случае представляли как второстепенного поэта пушкинской поры, а в худшем, по оценкам Белинского, считали чересчур рассудочным сочинителем, восставшим против науки и просвещения.

Размышления и постоянный анализ окружающего и собственного мира составляли основу жизни Евгения Абрамовича. Вкупе с двойственностью природы они порой вредили ровному течению творчества поэта, который вечно колебался между различными своими воззрениями. Отсюда рождались стихотворения, противоречащие друг другу, отсюда неуверенность в самом себе, в правильности поступков и их оценке. Пушкин довольно метко называл Боратынского Гамлетом и отмечал в нём гамлетовскую раздвоенность. Да и сам Евгений писал о себе: «Какой несчастный дар – воображение, слишком превышающее рассудок! Какой несчастный плод преждевременной опытности – сердце, жадное до счастья, но

уже не способное предаться одной постоянной страсти и теряющееся в толпе беспредельных желаний!»

Все его размышления о себе, как ранние, так и поздние, наполнены сожалением, предчувствием несовершенного, того, что не сумел передать, раскрыть, донести до читателя. За ними видна душа тонкая, романтическая, пронизанная печалью. Откуда всё это в тогда ещё молодом человеке, не обделённом знатностью, умом, приятной внешностью и вполне обеспеченным будущим? Как часто принято считать, что всё идёт из детства. Наверно, и мы сможем отыскать причины душевной ранимости Боратынского, склонность к пессимизму и меланхолии в его детстве и юности, обратившись к биографии поэта.

Родился Евгений Абрамович Боратынский 19 февраля (2 марта) 1800 года в селе Вяжля Тамбовской губернии в семье отставного генерал-лейтенанта Абрама Андреевича Боратынского и Александры Фёдоровны, урождённой Черепановой, дочери коменданта Петропавловской крепости, выпускницы Смольного института, в последствии фрейлины императрицы Марии Фёдоровны, супруги Павла I.

Через пять лет после рождения Евгения родители разделили имение с братом отца и построили своё гнездо – новый дом в Маре. С раннего детства мальчика приобщали к языкам, он разговаривал с родителями на французском, а с нанятым для воспитания дядькой Боргезе – на итальянском. Когда умер отец, Евгению едва исполнилось 10 лет, и воспитанием его занялась мать. Женщина образованная и умная, она, тем не менее, отличалась властностью и деспотичностью. По разумению Александры Фёдоровны она одна знала, что надобно сыну, которого любила безмерно, но всегда направляла жёсткой и диктаторской рукой. Ещё в двенадцатилетнем возрасте Евгения отдали в немецкий частный пансион для подготовки к поступлению в престижный Пажеский корпус. По стопам отставного генерал-лейтенанта юного Боратынского готовили к военной карьере. Мальчик такой стезе не противился.

Поступив в Пажеский Его Императорского Величества корпус, Евгений полтора года добросовестно постигал азы наук, но в переломном подростковом возрасте взбунтовался. Бунт был не одиночным, мальчик пошёл на поводу у товарищей, которым не нравился казарменный порядок учебного заведения. Такой порядок не по душе был и Боратынскому, потому-то он поддерживал проделки соучеников. Умы незрелых юношей пленил Шиллер со своими «Разбойниками», и они решили учредить своё «Общество мстителей». Большинство выходок пажей казались безобидными. Видимость протеста вдохновляла юного Боратынского с товарищами на новые подвиги, от них веяло духом свободы, дерзновенным неподчинением, да и просто весельем. Но вскоре одному из мальчиков пришла на ум роковая идея совершить кражу. За групповым преступлением немедленно последовала суровая расплата – всех «мстителей» исключили из корпуса и лишили права служить в офицерском звании.

Обесчещенный Евгений отправился в усадьбу Маара к матери. Подросток был подавлен, убит, уничтожен, даже готов был покинуть этот мир. Душевная травма, полученная в 16 лет, тяготила и отражалась на нём всю жизнь. Два года он провёл в метаниях между родными в усадьбе Мара и смоленским имением дяди – адмирала Б. А. Боратынского. Тогда юноша научился выражать состояние своей души в творчестве. Появились первые стихи – несмелые, несовершеннолетние, то мучительно-пессимистические, то светлые, напоённые безмятежностью сельской жизни.

Из страстного желания смыть позорное пятно со своей биографии, он поступил на военную службу рядовым лейб-гвардии Егерского полка, расквартированного в Петербурге. Но занятия слагать стихи не оставил, напротив, начинающий поэт всё более погружался в мир поэзии. Тяга к стихотворству вынудила Евгения преодолеть природную застенчивость, неуверенность в себе, усугублённую историей с

Пажеским корпусом, и в Петербурге он принялся искать любителей стихосложения и проводить время за чтением своих и чужих сочинений. На этом пути судьба столкнула Евгения с бароном Антоном Дельвигом, к которому он сильно привязался. Дворянин Боратынский вне службы имел право ходить во фраке и не проживать в общей казарме. С другом Дельвигом они на пару сняли квартирку и принялись за любимое дело – сочинять стихи.

Там, где Семёновский полк, в пятой роте, в домике низком,
Жил поэт Боратынский с Дельвигом, тоже поэтом.
Тихо жили они, за квартиру платили немного,
В лавочку были должны они, дома обедали редко.

(Е. Боратынский, А. Дельвиг, 1816)

56

Дельвиг познакомил Евгения с Александром Пушкиным. Вместе, по словам Вяземского, они составляли забавную компанию – высокий, нервный, меланхоличный Боратынский, толстый, вальяжный Дельвиг и невысокого роста, подвижный Пушкин. Они были молоды, талантливы, влюблены в поэзию, и каждый искал свой путь в ней. Дальнейшее знакомство с Кюхельбекером, Гнедичем, посещения литературных салонов, «среды» Плетнёва и «субботы» Жуковского укрепили дар Евгения, дали возможность овладеть поэтической техникой, открыли в нём смелость творить и отдавать свои сочинения на суд друзей. Сама атмосфера, общение с людьми, думающими и пишущими, способствовала расцвету таланта, дремавшего в нём.

Одно тяготило Евгения – давняя история с кражей, имевшая нехорошие последствия, из-за которых молодой человек, принадлежавший дворянскому роду, вынужден был прозябать в рядовых. Друзья хлопотали о прощении Боратынского, о снятии позорного запрета на произведение в офицерское звание, но тщетно. В 1820 году Евгения произвели лишь в унтер-офицеры, что являлось нижним чином царской армии. Его отправили в Финляндию на службу, больше похожую на ссылку. Там, в глухой крепости Кюмень, среди суровой северной природы лирическое дарование Боратынского получило мощный импульс. Как поэт, он зажил новой окрылённой жизнью, вдохновение не оставляло его. Вслед за блестящими стихотворениями на свет явилась первая поэма «Эда», высоко оценённая Пушкиным. В предисловии Боратынский скромно упомянул, что своим произведением не осмеливается вступить в состязание с певцом «Бахчисарайского фонтана» и «Кавказского пленника».

Тем временем творения Боратынского с лёгкой руки Дельвига уже публиковались в журналах и приносили ему славу. Его ценили за лиричность и трагизм, за глубину переживаний. Хвалили любовный цикл: «Признание», «Ропот», «Разуверение», «Разлука», то, что пришло к Евгению в воспоминаниях о первой любви к дальней родственнице Вареньке Кучиной.

Притворной нежности не требуй от меня:
Я сердца моего не скрою хлад печальный.
Ты права, в нём уж нет прекрасного огня
Моей любви первоначальной.

(Признание, 1823)

А вслед за своеобразным прощанием с юношеской любовью к Боратынскому пришло настоящее пылкое чувство. В конце 1824 года в Гельсингфорсе (Хельсинки) судьба свела его с Аграфеной – супругой своего непосредственного начальника, генерал-губернатора Закревского. Смуглая, яркая красавица, дерзко презиравшая мнение света, по воспоминаниям современников, источала поистине

Боратынский и Пушкин в Казани. Рис. Б. Старчикова

сатанинскую страстность. Любовников её было не счесть, а те, кого генерал-губернаторша не успела одарить своими ласками, считали себя глубоко несчастными. Евгений наряду со многими был поражён этой болезнью.

Стихи, посвящённые роковой Магдалине, изливались на бумагу нескончаемым потоком. «Магдалина, Альсина, Фея», – так молодой поэт называл свою музу в переписке с новым другом и сослуживцем Николаем Путятёй. «Она – моя героиня. Стихов 200 уже у меня написано... Ты будешь подозревать, что я несколько увлечён... Но я надеюсь, что первые часы уединения возвратят мне рассудок. Напишу несколько элегий и засну спокойно. Поэзия – чудесный талисман: очаровывая сама, она обессиливает чужие вредные чары...» Так писал Боратынский своему другу после очередной встречи с похитительницей своего покоя.

Путята стал ещё одним подарком судьбы в жизни Евгения. Он служил адъютантом у генерал-губернатора Закревского и принимал деятельное участие в хлопотах о присвоении офицерского звания Боратынскому. Званием этим Евгений смыл бы давнее постыдное пятно и, полностью реабилитированный, с лёгким сердцем покинул бы воинскую стезю, давно тяготившую его. Старые друзья поэта были далеко, а Путята рядом, и он поддерживал Боратынского в холодной Финляндии во всём. Николай выхлопотал у начальства позволения служить унтер-офицеру Боратынскому при штабе в Гельсингфорсе. Они сошлись во всём, даже оба оказались влюблены в обворожительную Грушеньку Закревскую, но не соперничали между собой, а лишь крепче сдружились на этом пути. Несколько месяцев, проведённые в обществе «Феи», остались в памяти поэта вспышкой неистовых чувств, упоением женской красотой и прорывом любовной лирики. Так много и хорошо он не писал ещё никогда, и муза амурной поэзии Эрато не оставляла его после возвращения к месту первой службы в Кюмень.

Расставание с возлюбленной лишь поддавало огня, разжигало вдохновение Евгения:

Как много ты в немного дней
Прожить, прочувствовать успела!
В мятежном пламени страстей
Как страшно ты перегорела!
Раба томительной мечты!
В тоске душевной пустоты
Чего еще душою хочешь?
Как Магдалина плачешь ты,
И как русалка ты хохочешь!

(К... 1825)

58

Весной Боратынский наконец-то дождался желанного назначения. В мае 1925 года Путята привёз в Кюмень приказ о производстве Евгения в офицеры Нейшлотского полка, а в июне полк прибыл в Петербург для несения караульной службы. Боратынский смог вновь окунуться в литературную жизнь столицы и начал работать над поэмой «Бал». Прототипом главной героини княгини Нины Воронской, конечно же, стала она, Аграфена Закревская, продолжавшая удерживать поэта в тенетах своих всемогущих чар. Как же усилились эти чары, когда летом Магдалина появилась в Петербурге! Иона не смогла обойти вниманием молодого человека, посвятившего ей столько прелестных стихов и так беззаветно влюблённого в неё. Роман закрутился бурный, но едва ли длительный, ведь постоянство не числилось в добродетелях «медной Венеры», как называл Закревскую Вяземский. И влюблённый Боратынский был не так уж слеп, он видел все недостатки своей музы, чувствовал опасности, исходившие от неё, и предупреждал ослеплённых безумцев, описывая предмет их страсти в поэме «Бал»:

Беги её: нет сердца в ней!
Страшися вкрадчивых речей
Одуряющей приманки;
Влюблённых взглядов не лови:
В ней жар упившейся вакханки,
Горячки жар – не жар любви!

(1825–1828)

Закревская вернулась в Финляндию, а Боратынский решил, что пора исполнить давние намерения оставить службу. Отставке поспособствовал небезызвестный Денис Давыдов. Приказ об освобождении пришёл вслед за известием о восстании декабристов, событии, потрясшем Боратынского до глубины души. Он знал лично некоторых из участников, и хотя не разделял полностью их революционных порывов, но был близок с ними на поэтическом поприще.

В свой «финляндский» период творчества Евгений печатался в альманахе Рылеева и Бестужева «Полярная звезда». Теперь же его товарищам грозила каторга, а кому-то и смерть. Тягостные мысли об арестованных, ждавших решения своей участи, не могло не отразиться на впечатлительном поэте. И может, оттого Москва, где он остановился, казалась Боратынскому недружелюбной и неудобной, а обязанность следовать светским правилам тяготила. Евгений писал далёкому теперь Николаю Путяте: «Сердце моё требует дружбы, а не учтивостей, и кривлянье благорасположенья рождает во мне тяжёлое чувство... Москва для меня новое изгнание».

Положение вновь спас Денис Давыдов, который представил молодого человека «очаковскому» герою, отставному генерал-майору Льву Николаевичу Энгельгардту. Сам Давыдов был женат на племяннице генерала и вёл себя в семействе Эн-

гельгардтов по-свойски. Здесь Евгений познакомился с будущей спутницей своей жизни – старшей дочерью генерала Анастасией. А скорым желанием венчаться с нею многих удивил. Жена Дельвига, Софья Михайловна, писала о ней: «Его невеста – барышня 23 лет, дурная собой и сентиментальная, но, в общем, очень добрая особа, до безумия влюблённая в Евгения, которому нет ничего легче, как вскружить голову». Разочарованными оказались и близкие друзья, а в числе первых Пушкин. О предстоящей свадьбе его уведомил Вяземский: «Ты знаешь, что твой Евгений захотел продолжиться и женится на моей соседке Энгельгардт, девушке любезной, умной и доброй, но не элегической по наружности». Раздосадованный вестью о скором браке друга Пушкин отвечал несколько в грубой форме: «Правда ли, что Боратынский женится? Боюсь за его ум».

Выбранная невеста не отличалась красотой, многие называли её дурнушкой, и почти всем казался странным выбор молодого человека приятной наружности, к тому же сочинявшего великолепные стихи о любви. Но сам Боратынский разглядел в Анастасии нечто большее – душевную красоту, о чём не раз позже писал в произведениях, посвящённых жене:

Есть что-то в ней, что красоты прекрасней,
 Что говорит не с чувствами – с душой;
 Есть что-то в ней над сердцем самовластной
 Земной любви и прелести земной.
 Как сладкое душе воспоминанье,
 Как милый свет родной звезды твоей,
 Какое-то влечёт очарованье
 К её ногам и под защиту к ней...

(Она, 1828)

Евгению Абрамовичу с его неуверенностью в себе, с вечными метаниями и мрачными мыслями нужен был этот спокойный приют, пристанище, где он мог бы спокойно предаваться любимому занятию.

А период семейной жизни начинался с творческого подъёма. В 1826 году, когда Евгений Абрамович венчался, вышли одной книгой его поэмы «Эда» и «Пирры». На следующий год – сборник лирических стихотворений. Боратынский становился знаменит и с радостью устремлялся к новым высотам. В 1828 году увидела свет поэма «Бал», тогда же друг Пушкин не избежал романа с неудержимой вакханкой Закревской. Аграфена на некоторое время превратилась в музу и для Александра Сергеевича, и её образ он описал в блистательной Клеопатре «Египетских ночей». А Боратынский посвятил бывшей любовнице прощальные строки:

Нет, обманула вас молва,
 По-прежнему дышу я вами,
 И надо мной свои права
 Вы не утратили с годами.
 Другим курил я фимиам,
 Но вас носил в святыне сердца;
 Молился новым образам,
 Но с беспокойством староверца.

(Уверение, 1824)

Были ли это отголоски прежней страсти или чувство так и не угасло в Евгении остаётся лишь гадать, а может, как водится у поэтов, Магдалина давно превратилась в образ, в идола, к подножью которого привычно слагают свои страдания, переживания, жар души, выражая их в строфах стихов. Простое человеческое счастье уже снизошло на Боратынского, его боготворила избранная им супруга, и он любил её, наслаждаясь покоем и уважением в кругу семьи Анастасии. Об этом периоде жизни Евгения Абрамовича сообщал в письмах к дочери Ольге отец

Пушкина: «Видим Боратынских в Москве очень часто; не зная бессонных ночей на балах и раутах, Боратынские ведут жизнь самую простую: встают в семь часов утра во всякое время года, обедают в полдень, отходят ко сну в 9 часов вечера и никогда не выступают из этой рамки, что не мешает им быть всегда довольными, спокойными, следовательно, счастливыми».

Женитьба принесла Евгению Абрамовичу приличное состояние, которое давало возможность не думать о будущем своём и своих детей. Они проживали в московском доме генерал-майора, где Евгений заменил Льву Николаевичу сына, страдавшего умственным расстройством. В 1828 году Боратынский попробовал себя на гражданской службе, поступив в Межевую канцелярию коллежским регистратором, но через пару лет вышел в отставку и больше на службу не возвращался, занимаясь делами поместий и любимой поэзией. Итогом литературных занятий стала очередная поэма – «Наложница», встреченная гораздо прохладней предыдущих произведений. Хотя поэзия Боратынского отличалась изяществом стиха и мастерством формы, но всё резче звучали голоса критиков, погружая Евгения в меланхолию.

Отвлекаться от творческих неудач помогали растущее семейство и хозяйственные хлопоты. Следовало приглядывать за московским домом и поддерживать стареющего тестя, которому становилось всё трудней управляться в Муранове. А сколько сил и времени уходило на Каймары в Казанской губернии – приданом жены Анастасии? Дела в этом поместье, особо любимом генералом Энгельгардтом, оказались совершенно запущенными.

Боратынский отправился в Каймары в конце весны 1831 года, покинув охваченную холерой Москву. Казань, от которой Каймары находились всего-то в 20 верстах, его не впечатлила, как и местная элита. Евгений Абрамович осознанно ограничивал круг общения, в силу своего характера чувствовал себя неловко даже в компании товарищей по перу, хотя понемногу свёл знакомство с некоторыми из них. Боратынский отдался воле, как он говорил, «скучным визитам». Провинциальная интеллигенция читала его стихи взахлёб, они расходились у них даже не напечатанными, а переписанными от руки. Евгения Абрамовича звали сотрудничать в казанский журнал «Заволжский муравей», который планировали открыть в скором времени. Но Боратынского ещё в Москве пригласили в «Европеец» – новое издание Ивана Киреевского со свежими, передовыми взглядами. Евгения Абрамовича манили не просто столичные перспективы, а желание выражать свои прогрессивные мысли открыто. До таких высот мог ли дотянуть провинциальный «Муравей»?

В Казани Евгений Абрамович подолгу не задерживался, большую часть времени проводил в Каймарах, ради которых и приехал с семьёй из Москвы. Лет тридцать назад старшие Энгельгардты построили здесь каменный двухэтажный дом в 40 комнат с оранжереями, которые были предметом зависти соседей. Да и кого бы ни восхитило такое прекрасное, продуманное строение с двумя искусственными прудами и мостиком в окружении большого фруктового сада? Рядом с холмом, на котором возвышался барский дом, находилась старинная церковь. Местный храм славился редкостным по красоте иконостасом и крестом, дарованным по преданию самим Петром I. В последние годы имение пришло в упадок по причине болезни старого хозяина, но явился новый владелец и взял управление в свои руки.

Боратынские прожили в Каймарах несколько месяцев, здесь у них родилась дочь, крещённая в местной церкви под именем Мария. В деревне Евгений Абрамович отдыхал душой, чему способствовали прелести сельской жизни, чудесная природа, любимая жена и дети, безмерно радовавшие поэта. Он никогда не был с ними строг, а со старшими общался как с равными товарищами. О жизни в имении Боратынский писал просто: «Мы пьём чай, обедаем, ужинаем часом раньше,

нежели в Москве. Вот тебе рама нашего существования. Вставь в неё прогулки, верховую езду, разговоры, вставь в неё то, чему нет имени: это общее чувство, это итог всех наших впечатлений, который заставляет проснуться весело, обедать весело, эту благодать семейного счастья, и ты получишь довольно верное понятие о моём бытѣ». И хотя в других письмах из деревни поэт называл себя пустынным, а имение – «глубоким уединением», но именно в Каймарах он был по-настоящему счастлив. В Москву Боратынские вернулись в 1832 году.

Но через год Евгений Абрамович вновь посетил Казань, где неожиданным сюрпризом для него стал короткий приезд Пушкина, собиравшего материал по восстанию Пугачёва. Старые товарищи не виделись давно и никак не могли наговориться, но Александр Сергеевич торопился в дорогу, ему многое нужно было успеть. Боратынскому же оставалось довольствоваться местным обществом. С некоторых пор оно стало для него занимательным, ведь в доме Энгельгардтов собирались математик Лобачевский, астроном Симонов, историк Арцыбашев, писательница А. Фукс, некогда посвятившая поэту свои стихи. А ему пришлось отвечать ей. Позже ситуацию с иронией комментировал А. С. Пушкин: «Боратынский написал ей стихи и с удивительным бесстыдством расхваливал её красоту и гений».

В губернской столице Евгению Абрамовичу не удавалось разбудить дремавшую музу, она лишь изредка отходила ото сна. «Ты прав, – писал он И. Киреевскому, – что Казань была для меня мало вдохновительной. Надеюсь, однако ж, что несколько впечатлений и наблюдений, приобретённых мною, не пропадут». Боратынский решился на эксперимент – писать прозу, но вышел лишь рассказ «Перстень», а уже написанную драму поэт сжёг. Зато появились на свет рождённые в Казани стихи – «На смерть Гёте», «Мой Элизий», «Мадонна», «Где сладкий шёпот...»

Настоящим ударом для Евгения Абрамовича явилось закрытие журнала «Европеец», на который он возлагал большие надежды. «Европеец», прекративший своё существование по политическим мотивам, прожил всего-то два выпуска и, несмотря на хлопоты Жуковского, печатавшегося в нём, больше не вышел на литературные просторы. В. А. Жуковский в знак протеста объявил своеобразную забастовку, не приступая к занятиям с наследником престола, но император остался непреклонен. Разочарованный Боратынский теперь всё реже садился за письменный стол. Вышедший в 1835 году поэтический сборник сам Евгений Абрамович посчитал завершением своих трудов.

У него не было нужды писать ради денег, как его незабвенному другу Пушкину, но поэт не может не писать. Очередная душевная травма, связанная с запретом «Европейца», окончательно сблизила его с «любомудрами», которые проповедовали так называемую «поэзию мысли». Боратынский погружался в глубокую философию Шеллинга, не всеми воспринимаемую. В его произведениях пропала лёгкость восприятия, усилились присущие и раньше мрачность, безысходность, пессимизм. Люди, общавшиеся с ним, сетовали на то, что поэзия его уже не показывает того изящного мира, который Евгений Абрамович носил в глубине души своей. На смену любовной лирике пришли «На что вы дни...», «К чему невольнику мечтания свободы?», «Когда исчезнет омраченье» – стихи риторические, торжественно-скорбные.

Рубежом для Боратынского стал 1837 год. В нём всё слилось воедино – смерть друга Пушкина, неприятие недоброжелателями его творчества, злобные нападки давних оппонентов Александра Сергеевича и новых западников и славянофилов, которым поэт посвящал едкие эпиграммы. Он уже почти не писал и не находил в себе побуждений к сочинительству.

Так текли почти лишённые творчества дни в Муранове, где Евгений Абрамович поселился с семьёй после кончины тестя. Здесь Боратынский проявлял себя рачительным хозяином: строил новый дом, переоборудовал мельницу, занимался

посадкой леса, завёл лесопилку. Но в начале 40-х он возвратился к стихам, но по-прежнему писал в той философской манере «поэзии мысли», к которой склонился ранее. Воздействие Шеллинга полностью проявилось в новом сборнике «Сумерки» (1842), посвящённом П. А. Вяземскому и ставшем последним большим трудом в жизни Боратынского. В одном из стихотворений сборника («Болящий дух врачует песнопенье») он пишет:

Болящий дух врачует песнопенье.
Гармонии таинственная власть
Тяжёлое искупит заблужденье
И укротит бушующую страсть.

(1834)

62

В сборнике Евгений Абрамович повёл речь о сумерках рода человеческого, который приближается к своему концу. Мало кто узнавал Боратынского в его стихах, и жёсткая критика не заставила себя ждать. Читатели сборник не оценили. Остаться непонятым, не оценённым ему с его ранимостью, с тонкой душевной организацией было крайне сложно. Самый болезненный удар нанёс Белинский уничтожительным критическим материалом. Боратынский с трудом нашёл в себе силы ответить в стихотворении «На посев леса»:

Кого измял души моей порыв,
Тот вызвать мог меня на бой кровавой;
Но подо мной сокрытый ров изрыв,
Свои рога венчал он падшей славой!

(1842)

Евгений Абрамович уже не находил покоя в семье, где жена, прежде друг и мудрый ценитель его трудов, оказалась подвержена нервной болезни. Стремясь изменить хоть что-то в своей жизни, Боратынский с Анастасией Львовной и старшими детьми в 1843 году отправился в заграничное путешествие.

В Европе посетили они Польшу, Германию, Саксонию, Францию. Знакомство с прославленными Проспером Мериме, Сент-Бёвом, историками Тьерри несколько оживили вдохновение в поэте, он по просьбе французов даже перевёл несколько стихотворений. Но само путешествие разочаровало Евгения Абрамовича, издали же ему эта поездка виделась иначе. Боратынский не преминул написать об этом другу Николаю Путяте: «Поздравляю вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо; поздравляю вас с нашей зимой, ибо она бодрее и блистательнее и красноречием мороза зовёт к движению лучше здешних ораторов; поздравляю вас с тем, что мы, в самом деле, моложе двенадцатью днями других народов и посему переживём их может быть двенадцатью столетиями».

Весной семья Боратынских переправилась на корабле через Марсель в Неаполь. На борту родилось последнее стихотворение поэта – «Пироскаф», где звучали поистине пророческие строки о твёрдой готовности умереть для истинной жизни.

В Неаполе резко ухудшилось здоровье Анастасии Львовны. Никто не присутствовал при сильном нервном припадке, который случился у неё вскоре, но считают, что именно по этой причине Евгению Абрамовичу, проведшему всю ночь у постели любимой жены, стало плохо. Усилились ставшие невыносимыми головные боли, которые мучили поэта последнее время. На следующий день, 11 июля 1844 года, Боратынский скончался.

Кипарисовый гроб с его телом смогли переправить в Петербург лишь спустя год с небольшим. Проститься с ним, кроме родных, пришли лишь П. Вяземский,

В. Одоевский и В. Соллогуб. Боратынского погребли на кладбище Александро-Невского монастыря, и о его смерти не упомянуло ни одно литературное издание. Так ушёл поэт с «не общим выраженьем» творческого облика, тот, о ком великий Пушкин говорил: «Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем, как чувствует сильно и глубоко. <...> Время ему занять степень, ему принадлежащую, и стать подле Жуковского и выше певца Пенатов и Тавриды».

Боратынский так и остался непонятым своими современниками, поэта почти забыли, но в начале XX века произошла переоценка его творчества. Боратынский стал восприниматься как крупный лирик-философ с чертами, близкими поэтам Серебряного века. Произведения его изучаются в школах и вузах и неустанно звучат из уст современных школьников и студентов на уроках и поэтических вечерах. Романсы на его стихи по сей день пользуются успехом, задевая самые сокровенные струны души.

В Казани в старинном дворянском доме, где проживали потомки поэта, находится литературный музей Боратынского. А начало ему было положено в казанской средней школе № 34 в 1977 году преподавательницей Верой Георгиевной Загвоздкиной. В 1981 году музей стал государственным и в 1991-м переехал в бывшую усадьбу Боратынских на улице Горького.

Музей не застыл в традиционной торжественной тиши, он существует не принятой повсеместно музейной жизнью. Зимой в нём проводится праздник «Рождество в доме Боратынских», весной – «Литературные чтения в усадьбе Боратынских», в мае в залы приходит «Музейная ночь», а летом – Пушкинский день России. Здесь проводятся ежегодные балы, и тогда по паркету красивого Белого зала летят пары в изысканных нарядах, дамы в воздушных платьях и белых перчатках до локтей, кавалеры во фраках. Возвращается былое время и, кажется, звучат голоса внуков и правнуков Евгения Абрамовича и даже его негромкий голос слышится нам.

По давней привычке поэт не ставил точек в своих произведениях, одни лишь запятые. Дельвиг считал это свидетельством плохого знания грамматики. Но не имело ли известное обстоятельство куда более глубокий смысл? Боратынский так и не высказал всех своих мыслей, так и не донёс чего-то главного до нас. И в конце нашего рассказа о нём не точка – запятая...

